

Политический кризис в Ираке летом 1936 г.: неизвестные страницы монархической истории страны

Факторы политической устойчивости в арабо-мусульманском мире имеют свою специфику, которая зачастую не учитывается при разработке стратегии политического развития, предлагаемой Западом в рамках проекта обновленного Ближнего Востока. При исключительном многообразии политической жизни арабских стран представляется возможным выделить ряд общих черт, характерных для них всех вне зависимости от типа политической системы и формы политического устройства. Одна из них – концентрация высшей власти в руках харизматического лидера (монарха или президента), обязательно имеющего непререкаемый авторитет в кругах традиционных социальных и религиозных структур, политической элиты и широких слоев населения страны. Нарушение этого положения может поставить под удар стабильность всей политической системы, о чем свидетельствует история Арабского Востока XX в. и череда «арабских революций», обернувшихся настоящей драмой для некогда незыблемых кланов Бен Али, Х. Мубарака, М. Каддафи и А. Салеха. И сегодня регион в своих «лучших» традициях продолжает оставаться ареной нестабильности, что побуждает мировое сообщество к дальнейшему поиску конструктивного выхода из ближневосточного тупика. В этих условиях исключительную актуальность приобретают уроки прошлого.

В данной статье нам бы хотелось проиллюстрировать тезис о значимости личности политического лидера в арабо-мусульманском обществе на примере Ирака, страны с самым богатым в арабском мире опытом экспериментирования с различными формами политических режимов. Предлагаемый нами сюжет также интересен в свете того, что до настоящего времени он не освещался в трудах отечественных и зарубежных востоковедов, однако материалы британских архивов позволяют восполнить этот пробел.

Как известно, государство Ирак было создано из трех различных фрагментов Османской империи под воздействием внешнего импульса. Несмотря на наличие демократических институтов и формальной власти закона, ко времени приобретения независимости в 1932 г. Ирак еще был далек от того, чтобы стать однородным национальным сообществом, а его политическая культура имела определенную специфику. По традиции, сложившейся под сенью британского мандата, доступ во властные структуры был открыт преимущественно представителям суннитской арабской общины в ущерб интересам шиитов, курдов и других этноконфессиональных групп, которые и сейчас составляют большинство иракского населения. Противоречия между поддерживаемыми извне правящей элитой и формировавшимися «внутренними» группами местной элиты вызывали к жизни кровавые этноконфессиональные конфликты и способствовали закреплению практики их силового разрешения.

Демократические традиции были чужды Ираку, но Англия и Лига Наций в 1920-е гг. формально обеспечили Хашимитское королевство конституцией и основами парламентаризма, тем самым создав условия для острого политического

соперничества между различными группами и лидерами. Политическая нестабильность усилилась после смерти короля Фейсала I (8 сентября 1933 г.), который был посредником между приверженцами двух главных идеологий Ирака – иракским национализмом и панарабизмом¹. С момента предоставления Ираку независимости в октябре 1932 г. до марта 1935 г., когда к власти пришел блок Национального братства во главе с Ясином аль-Хашими, придерживавшийся принципов панарабизма, в Ираке сменилось 7 кабинетов, в том числе 5 – после смерти Фейсала. Вступивший на престол молодой король Гази разделял идеи панарабизма и не одобрял британского доминирования в стране, но в целом мало интересовался политикой, в связи с чем королевский дом стал утрачивать роль влиятельного политического фактора.

Указанные тенденции усилились с середины 1930-х гг., когда сложная социально-политическая обстановка в Ираке дополнилась возрастающим влиянием армии. Октябрь 1936 г. стал поворотным пунктом в истории страны: с этого времени армия активно вмешивалась в политику и стала решающим фактором в отставке и формировании правящих кабинетов. За первый период независимого существования Ирака (с октября 1932 г. по июнь 1941 г.) у власти сменилось 16 кабинетов, в том числе 7 – в результате военно-гражданских переворотов². При этом, как и в гражданских политических кругах, в армейской среде противоборство приверженцев и противников двух главных идеологических концепций – иракского национализма и панарабизма – дополнялось личным соперничеством отдельных лидеров³. Поскольку ни одна из политических групп страны не была готова к диалогу на равных, политические разногласия разрешались не в рамках легальной борьбы, но методами политических интриг, репрессий и насильственного свержения правительств.

В исследованиях по иракской политической проблематике достаточно подробно раскрываются причины первого военно-гражданского переворота в октябре 1936 г., среди которых – низкий авторитет королевской власти и лично короля Гази. Однако за пределами внимания исследователей остается весьма важный и интересный сюжет, раскрывающих одну из ключевых предпосылок общей дестабилизации обстановки в Ираке осенью 1936 г. Речь идет о политическом кризисе

¹ Первые считали целесообразным союз с Англией в деле развития экономики, укрепления территориальной целостности и усиления роли Ирака в региональных делах. Вторые отводили Ираку роль лидера в арабском мире и считали Англию главным препятствием к единству и независимости арабских стран. Они действовали под антибританскими лозунгами, добивались отмены англо-иракского союзного договора 1930 г. и ликвидации британского влияния в Ираке.

² Один из кабинетов просуществовал всего 13 дней (кабинет Дж. Мидфай, 4–17 марта 1935 г.). В среднем срок пребывания правительств у власти составлял 7 месяцев, некоторые из них не успевали опубликовать даже декларативные программы развития.

³ Армейские лидеры, как и представители других политических групп Ирака (правящих и оппозиционных), стремились к политической стабильности, национальному единству и подлинной независимости страны, но предпочитали путь жесткого авторитаризма и разрыва отношений с Англией. Правящая элита, напротив, отстаивала путь временного союза и сотрудничества с Англией, которая в немалой степени являлась гарантом ее политического долголетия, а также обеспечивала Ираку экономическую помощь и дипломатическую поддержку, особенно на фоне внешних угроз его территориальной целостности.

летом того же года, который был спровоцирован скандальным браком принцессы Аззы (старшей дочери Фейсала I и сестры короля Гази) и привел к резкому падению престижа правящей в Ираке династии Хашимитов.

28 мая 1936 г. афинская пресса привлекла внимание западной общественности сообщениями о том, что иракская принцесса Азза, отдыхавшая со своей сестрой на Родосе, сбежала с отельным служащим по имени Анастасиос Караламбос, прихватив с собой внушительную сумму денег и фамильные драгоценности. 26 мая пара объявилась в Греции, где в маленькой деревушке близ Афин принцесса отреклась от исламской веры и приняла обряд крещения в соответствии с нормами греческой православной церкви, получив новое имя – Анастасия Фейсал. Несколькими часами позже состоялась церемония венчания, узаконившая морганатический брак. Обнаружив исчезновение старшей сестры, принцесса Раджиха обратилась в полицию с заявлением о краже и просьбой задержать Аззу в Афинах до решения вопроса об аннулировании ее брака⁴.

Принцесса Азза публично опровергала обвинения сестры и, как она сообщила прессе, решила скорее вернуться на Родос под юрисдикцию Италии чтобы предотвратить попытки иракского королевского двора разлучить ее с мужем. В этой связи пара нанесла визит в итальянское консульство в Афинах, где вместе с разрешением на въезд на Родос приняла от консула поздравления и букет цветов⁵. 29 мая новобрачные прибыли самолетом итальянских авиалиний на остров, где «были встречены большой ликующей толпой, их забросали цветами». «Сейчас они остановились в частных комнатах в отеле “Des Roses”, где Анастасиос Караламбос, без сомнения, наслаждается обслуживанием своих бывших коллег, – сообщил в Лондон глава британского консульства на Родосе. – Один из сотрудников отеля видел паспорт принцессы и сказал мне, что она действительно приняла греческую ортодоксальную веру». У. Хэррей также информировал Форин Оффис о предыстории нашумевшего романа: «Прошлым летом принцесса Азза останавливалась на несколько недель в отеле “Des Roses”, где для нее и ее сестры было зарезервировано целое крыло. Тогда ходили разговоры о том, что у принцессы роман с одним из служащих отеля, Анастасиосом Караламбосом, местным греком итальянского подданства, который, как я выяснил, являлся помощником бармена и официантом в ресторане». Ссылаясь на плохое самочувствие, Азза неоднократно откладывала свое возвращение на родину. «После ее отъезда, – продолжал британский консул, – Караламбос появился в нашем офисе и попросил визу в Ирак, сначала заявив, что хочет посетить страну как турист, а потом – что ему предложили работу в Багдаде. Ему объяснили, что он может подать прошение либо в Багдад, либо в иракское консульство в Сирии. Он выбрал второе и выехал в Бейрут, но вскоре вернулся на Родос ни с чем и попытался получить иракскую визу через Египет»⁶.

⁴ A. Walker (British Legation, Athens) to FO, 28 May 1936; Times, 29 May 1936; News Chronicle, 29 May 1936 // National Archives of Great Britain. Public Record Office [*After* – PRO]. Foreign Office [*After* – FO] 371/20017, E3089/3089/93.

⁵ A. Walker (His Majesty's Charge d'Affaires at Athens) to FO, 3 June 1936 // Ibid. E3344/3089/93.

⁶ W. Harrey (His Majesty's Consul, Rhodes) to FO, 30 May 1936; Harrey to British Embassy (Rome), 30 May 1936 // Ibid. E3345/3089/93.

Новость о скандальном браке сразу подхватили ведущие европейские издания, включая агентство «Рейтер» и лондонскую «Таймс». Читателям предлагалось множество интимных подробностей этой истории и фотографии пары. Симпатии западной прессы, очевидно, были на стороне принцессы Аззы: ее называли «бунтаркой в королевской семье», а ее брак – «разбивающим законы, установленные 2,5 тысячи лет назад», «несущим западную эмансипацию в древнюю монархию». Особо подчеркивался тот факт, что принцесса являлась представительницей династии Хашимитов, родословная которых восходит к Пророку Мухаммаду⁷. «Уже много лет принцесса не разделяла строгих ритуалов двора, предпочитая менее канонизированную жизнь среди европейских друзей. Она не носила паранджу, напротив, являлась приверженцем западной моды, – писала английская “Дэйли Экспресс” и восхищалась смелостью иракской принцессы, “пренебрегшей родовыми и религиозными законами своей страны”. – Смерть путем побивания камнями – вот расплата за такое в рамках традиции». Вместе с тем газета выражала надежду на то, что беглянка «просто будет отлучена от королевской фамилии, и тогда возможно будет забыт закон пустыни о смерти»⁸.

Это был уже второй морганатический брак в семействе Хашимитов. Впервые традиция, предписывавшая особам королевского происхождения вступать в брак только с равными, была нарушена принцессой Сарой, сестрой Фейсала I, основателя иракской королевской династии. В сентябре 1933 г. в Стамбуле Сара тайно вышла замуж за иракского дипломата Ата Бей Амина, что вызвало бурю негодования в иракских политических кругах. Поскольку жизнь Ата Бей Амина, занимавшего пост советника иракской дипмиссии в Лондоне, оказалась под угрозой, британская полиция обеспечила ему круглосуточную охрану. Однако в целом мезальянс принцессы Сары не имел серьезных политических последствий в силу ряда причин. Во-первых, ее брак по времени совпал со смертью короля Фейсала. Внимание иракских политиков практически сразу было отвлечено на проблемы, связанные с сохранением политической стабильности в стране в связи со вступлением на престол молодого короля Гази, который, в отличие от своего отца, не располагал внушительным политическим весом и соответственно не мог играть роль сдерживающего фактора в соперничестве многочисленных иракских группировок за власть. Во-вторых, посредником в устройстве брака Сары был эмир Заид, внебрачный сын короля Фейсала, влиятельный иракский политик. В значительной степени благодаря его вмешательству эта история закончилась благополучно. Брак был официально расторгнут, и спустя два года Сара с разрешения дома Хашимитов воссоединилась со своим супругом, оформив свое замужество в Ираке с соблюдением всех исламских канонов⁹. «Сейчас она счастливо вьет свое мусульманское гнездышко в особняке на Найтсбридж», – писала лондонская «Дэйли

⁷ A. Walker (His Majesty's Charge d'Affaires at Athens) to FO, 3 June 1936 // Ibid. E3344/3089/93.

⁸ Daily Express, 4 June 1936 // Ibid. E3343/3089/93.

⁹ Minute by Ward (FO), 29 May 1936 // Ibid. E3098/3089/93; Minutes of FO, 6–9 June 1936 // Ibid. E3343/3089/93.

Экспресс», с подачи которой история злключения принцессы Сары попала на страницы желтой прессы¹⁰.

Брак принцессы Аззы, в отличие от брака принцессы Сары, имел серьезные политические последствия. 28 мая, когда в печати появились первые сообщения о бегстве Аззы, британский посол в Багдаде А. Кларк Керр направил в Форин Оффис телеграмму следующего содержания: «Сестра короля Гази сейчас в Афинах и вовлечена в грандиозный скандал, новость о котором уже достигла Лондона. Его Величество был бы очень благодарен за любые шаги, которые вы могли бы предпринять, чтобы предотвратить публикацию этой истории в прессе, поскольку она может скомпрометировать королевскую семью»¹¹. С аналогичной просьбой к британской дипмиссии в Афинах обратилась принцесса Раджиха, а затем церемониймейстер иракского королевского двора Тахсин Кадри, прибывший в Грецию днем позже с целью «предпринять юридические и финансовые шаги для аннулирования брака», известие о котором, как он заявил, попав в прессу, «может произвести самый негативный эффект в мусульманских странах»¹². Серьезных политических осложнений ожидал и иракский премьер-министр Ясин аль-Хашими, а также министр иностранных дел Нури Саид, который прервал свой визит в Лондон и срочно вернулся в Багдад¹³.

Обращение официальных властей Ирака за помощью к британской дипломатии было вполне оправдано в свете особых отношений между Лондоном и Багдадом, установленных англо-иракским союзным договором 1930 г., в соответствии с которым бывшая держава-мандатарий сохраняла право консультировать Ирак по вопросам внешней политики. Кроме того, Ирак не имел своего дипломатического представительства в Афинах, поэтому его интересы в Греции представляла Великобритания.

Британские дипломаты сошлись во мнении о том, что не следует помогать иракскому правительству в деле возвращения принцессы Аззы в Ирак. «Боюсь, для нее это может закончиться расправой: скандал со сменой религии и ее брак с христианином вызвали серьезный взрыв чувств, – комментировал ситуацию сотрудник ближневосточного департамента Форин Оффис Дж. Вард. – Будем надеяться, что этот муж исчезнет каким-либо благовидным образом, и вся эта история со временем забудется»¹⁴. На Даунинг-стрит также

¹⁰ Daily Express, 4 June 1936 // Ibid. E3343/3089/93. 5 июня 1936 г., на следующий день после публикации в «Дэйли Экспресс», Ата Бей Амин обратился в Форин Оффис с просьбой оградить его семью «от подобной криминальной клеветы». Британские дипломаты заверили своего иракского коллегу в том, что «эта статья – всего лишь очередная порция деятельности безответственных журналистов, падких на сенсации», и настоятельно рекомендовали «сдерживать горячность» и «игнорировать всю прессу, чтобы спокойно выйти из этой истории». Вместе с тем в Форин Оффис признали, что жизни Ата Бей Амина «вновь может угрожать опасность в случае, если эта статья появится в Багдаде». (A. Amin to Rendel (FO), 5 June 1936; Minutes of FO, 6–9 June 1936; Rendel (FO) to Ata Bey Amin (Iraqi Legation, London), 9 June 1936 // Ibid.).

¹¹ A. Clark Kerr (British Embassy, Baghdad) to FO, 28 May 1936 // Ibid. E3089/3089/93.

¹² A. Walker (His Majesty's Charge d'Affaires at Athens) to FO, 3 June 1936 // Ibid. E3344/3089/93.

¹³ FO to A. Clark Kerr (Baghdad), 29 May 1936 // Ibid. E3089/3089/93.

¹⁴ Minute by Ward (FO), 29 May 1936 // Ibid. E3098/3089/93

считали, что любые попытки заставить западную прессу замолчать на эту тему приведут к обратному эффекту и не только подогреют общественный интерес к скандальному браку, но и позволят обвинить Уайтхолл в стремлении ограничить свободу слова. Вместе с тем в Лондоне признали, что во избежание политических осложнений в Ираке нельзя допустить подобных публикаций в иракской и в целом арабской печати¹⁵.

Следуя рекомендациям Лондона, иракское правительство с большим трудом смогло исключить упоминания об авантюрном романе принцессы в местной прессе, но ему не удалось предотвратить появление на Ближнем Востоке западных газет, где были даны полные отчеты о событиях. Новость о «свадьбе с умыканием» достаточно быстро достигла Багдада и стала главной темой разговоров, ее открыто обсуждали во всех кофейнях. «Хотя иностранцу это сложно понять, но сейчас уже нет сомнений в том, что был нанесен удар по репутации дома Хашимитов и в частности по престижу короля Гази, – сообщал А. Кларк Керр. – В свете бегства его сестры, дочери из семьи Пророка, с отельным служащим и ее отречения от ислама первой общественной реакцией были растерянность и негодование в адрес самой принцессы; второй, более бурной и ожесточенной – в адрес ее брата. Для слабо информированных европейских обывателей такая реакция казалась безосновательной, но для иракцев она была естественной и неизбежной». Как пояснял посол, одиозное поведение Аззы привело к всеобщему презрению в отношении короля Гази потому, что население Ирака уже давно испытывало к нему стойкую антипатию, не находя оправданий его аморальному, с точки зрения ислама, образу жизни, индифферентности в государственных делах и коррумпированности королевского двора. «Король Гази должен винить только себя, – считал Кларк Керр. – Если бы он имел толику уважения и влияния, каким пользовался его отец, то грех его сестры обеспечил бы ему сочувствие всей страны»¹⁶.

Влиятельные иракские политики – премьер-министр Ясин аль-Хашими, министр иностранных дел Нури Саид, министр обороны Джафар аль-Азхари, министр внутренних дел и министр юстиции Рашид Али аль-Гайлани и другие – были убеждены в том, что «первая и очевидная обязанность короля Гази – убить свою сестру собственными руками..., <чтобы> вернуть честь семьи и открыто смотреть в лицо людям». Поскольку осуществить это на практике не представлялось возможным, иракские министры решили, что для «восстановления чести короля Гази в арабском мире» достаточно «воспользоваться услугами наемного ассасина» «Среди бедуинов такое пятно, каким замарала принцесса Азза честь своей семьи, может быть смыто только кровью обоих – мужчины и женщины, – комментировал Кларк Керр реакцию правящих кругов Ирака. – Часто в этой стране женщина и ее любовники подвергаются убийству и за меньший проступок, чем этот. Убийцы пользуются всеобщей поддержкой и одобрением и могут быть легко оправданы в суде. Но в данном случае проблема

¹⁵ FO to A. Clark Kerr (Baghdad), 29 May 1936 // Ibid. E3089/3089/93; A. Walker (British Legation, Athens) to FO, 3 June 1936 // Ibid. E3344/3089/93; Minute by Rendel (FO), 16 June 1936 // Ibid. E3345/3089/93.

¹⁶ A. Clark Kerr (Baghdad) to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

имела место далеко за пределами Ирака, и вендетта в классической традиции наталкивается на многочисленные трудности»¹⁷.

«Это самый грандиозный скандал, в какой когда-либо попадал король Гази, – резюмировали в Форин Оффис. – Дело в том, что жесткий исламский образ жизни до сих пор практикуется на большей части Ирака. Поэтому данный инцидент рассматривается в Ираке намного серьезнее, чем если бы это случилось в более космополитических арабских государствах, например, в Сирии или Египте»¹⁸. Если по мнению иракских политиков убийство Аззы могло восстановить честь короля и страны в глазах арабского мира, то с точки зрения англичан расправа над принцессой поставила бы под удар престиж Ирака как молодого государства и единственного на тот момент представителя арабского сообщества в Лиге Наций. Опасаясь политической дестабилизации в Ираке и, как следствие, ослабления британских позиций в стране, являвшейся важным опорным пунктом в системе британского влияния на Ближнем Востоке, британская дипломатия активно включилась в дело восстановления пошатнувшегося авторитета Хашимитов.

Как сообщал Кларк Керр, «иракское правительство и королевский двор чрезвычайно расстроены и находятся в состоянии растерянности, ситуация усугубляется безрассудной позицией Нури Саида». По возвращении из Лондона 12 июня иракский министр иностранных дел кулуарно озвучил идею о том, что «королевский дом настолько скомпрометирован, что нет иного выхода, кроме как сместить короля Гази и создать регентский совет, который будет управлять страной до совершеннолетия принца». Ясин Хашими и Рашид Али Гайлани, узнав об этом через третье лицо, сошлись во мнении о том, что Нури Саид «привез эту идею из Форин Оффис, в частности, возможно об этом был разговор во время его последнего визита в Лондон», либо это сделал британский посол в Багдаде. В этой связи премьер-министр решился на откровенный разговор с Кларк Керром¹⁹.

Встреча состоялась в британском посольстве ранним утром 15 июня. Ясин Хашими изложил идею введения в Ираке регентского правления и, получив заверения Кларк Керра в том, что Форин Оффис не имеет к этому никакого отношения²⁰, попросил посла «использовать все свое влияние, чтобы вразумить Нури Саида», который, по его словам, «после гибели сына в автомобильной катастрофе стал нервный, обезумел от горя и потерял чувство реальности». Премьер считал, что «любые попытки сместить короля Гази ввергнут Ирак в великую и опасную анархию», и ссылаясь на политическую специфику страны: «В Ираке никто никому не доверяет, каждый завидует своему соседу, и невозможно найти группу людей, чьего влияния, уважения и авторитета было бы достаточно для управления в качестве регента без угрозы многочисленных опасностей соперничества. Если король Гази будет удален, борьба за власть непременно продолжится, и страна

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Minute by Ward, 16 June 1936 // Ibid. E3565/3089/93.

¹⁹ A. Clark Kerr (Baghdad) to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

²⁰ В дальнейшей переписке с британским посольством в Багдаде Форин Оффис неоднократно подчеркнул, что никакого разговора о регентском правлении с Нури Саидом в Лондоне не было и быть не могло (Minutes of FO, 3–16 July 1936; Bennet (FO) to Bateman (Baghdad), 16 July 1936 // Ibid.).

падет в руинах. Можно только предполагать, как эта ситуация будет использована шиитами и курдскими племенами в своих интересах». Вместе с тем Ясин-паша не решался отстаивать свою точку зрения открыто, опасаясь, что Нури Саид настроит против него общественное мнение. Он также был убежден, что Нури Саид намерен удалить его, Ясина Хашими, из властных структур, предложив ему возглавить регентский совет: «Сегодня король Гази не играет никакой роли в государственных делах, и любое правительство в Ираке, по сути, обладает большей властью, чем может получить регент». В этой связи Ясин Хашими в качестве альтернативы предложению Нури Саида выразил готовность «взять на себя большую часть обязанностей короны до тех пор, когда король Гази сможет появиться на публике».

Кларк Керр разделял мнение Ясина Хашими о катастрофических последствиях введения регентского правления в Ираке, но предпочел воздержаться от комментариев на тему дальнейшего усиления исполнительной власти и расширения властных полномочий премьер-министра. Посол попытался отговорить Ясина-пашу от идеи убийства принцессы Аззы, предложив взглянуть на проблему с иной точки зрения: «Морганатические браки – распространенное дело среди королевских семей Европы, и сейчас этому придают мало значения. В течение нескольких дней “романтические” истории активно обсуждаются в прессе, а затем быстро забываются». Аргументы Кларк Керра не возымели должного эффекта. Иракский премьер согласился с тем, что «убийство королем своей сестры не может быть оправдано арабскими традициями, оно шокирует весь цивилизованный мир», и предложил британскому послу «компромиссный» вариант: аннулировать брак принцессы, признать ее душевнобольной и вернуть в Ирак, где она публично будет объявлена невменяемой и проведет остаток жизни в заточении. При этом Ясин-паша отказался предоставить даже устные гарантии того, что принцессе будет сохранена жизнь. Он сообщил, что М. Пачачи, иракский посланник в Риме, уже сделал от имени короля Гази особое представление королю Виктору Эммануилу и Муссолини, а также заручился обещанием барона Алоизи «посмотреть, что можно сделать для аннулирования брака». В этой связи Ясин Хашими просил помощи британской дипломатической миссии в Риме²¹.

16 июня заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт, ознакомившись с телеграммой Кларк Керра, отдал распоряжение рассматривать проблему, возникшую в связи с бегством принцессы Аззы, с политической точки зрения, а также подготовить аналитическую записку о возможности замены короля Гази в Ираке²².

В тот же день Кларк Керр нанес визит иракскому министру иностранных дел. «Я был поражен его видом и манерами, он выглядел помятым, разбитым и потеряннным... Нури Саид несвязно изложил мне свой план и спросил моей точки зрения», – сообщил посол в своем отчете. Иракский министр считал, что «стра-

²¹ A. Clark Kerr to A. Eden, 15 June 1936 // Ibid. E3565/3089/93; A. Clark Kerr to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

²² Minute by Ward, 16 June 1936 // Ibid. E3565/3089/93; Minute by Bennet, 20 July 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

сти на пределе и если не заменить короля, взрыв неизбежен» и «в таких условиях недалеко до военного переворота». Он также сказал, что «по возвращении из Европы нашел премьер-министра в нервном состоянии и неспособным принимать разумные решения». Кларк Керр попытался убедить Нури Саида в том, что ввиду отсутствия в Ираке авторитетного лидера введение регентского правления может дестабилизировать и без того сложную политическую обстановку. Посол рекомендовал министру обсудить эту идею с Ясином Хашими и в этой связи пригласил обоих иракских политиков на ужин в британское посольство²³.

«Если уж мне выпало быть арбитром между этими двумя людьми, я встаю на сторону Ясина Хашими, который сохранил свою мудрость», – решил Кларк Керр. Аргументируя свою позицию, британский посол ссылаясь на информацию иракского премьер-министра, которому в тот же день, 16 июня, Нури Саид сообщил о том, что в ходе утреннего разговора с Кларком Керром «к нему неожиданно пришла идея регентского совета» и, как «ему показалось, реакция <Кларк Керра> была многозначительной». «Это шокировало меня, ведь я привел серьезные аргументы против регентского правления, и все это убедило Нури Саида в том, что я, возможно, поддерживаю его план», – не скрывал своего возмущения Кларк Керр. Посла также привела в изумление реакция иракского министра на его попытки защитить принцессу Аззу. Нури Саид парировал аргументы Кларка Керра о том, что в современных условиях «убийство – это дикость», заявлением, что «Гази – король в Ираке, а не в Европе» и «возможно, мир не будет шокирован, если это случится за пределами Ирака, поскольку нельзя будет установить связь между убийцей и королем Гази»²⁴. Нури Саид также сообщил Ясину Хашими, что министерство иностранных дел Италии ответило категорическим отказом на запрос иракских властей о помощи в аннулировании брака принцессы Аззы. В ответ Багдад отозвал своего посланника из Рима «в знак возмущения иракского правительства действиями итальянцев»²⁵.

По сути, дипломатические отношения между Ираком и Италией оказались заморожены, так как итальянская дипмиссия в Багдаде тоже пустовала после отъезда сеньора Порты в связи с истечением срока его полномочий весной 1936 г. Для Лондона это не стало большим сюрпризом, поскольку итало-иракские отношения на тот момент уже были омрачены присоединением Ирака к международным экономическим санкциям против агрессора, введенным Лигой Наций в октябре 1935 г. в связи с началом войны в Восточной Африке. Участие Багдада в международных санкциях против Италии было обусловлено не только союзническими обязательствами Ирака перед Англией, выступившей главным инициатором их введения. «Итальянские методы решения эфиопского вопроса вызывают у иракцев, как и у других народов Ближнего Востока, серьезную подозрительность по поводу планов Муссолини в отношении этого региона», – считали на Даунинг-стрит²⁶.

²³ A. Clark Kerr to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.; Bateman (Baghdad) to FO, 23 June 1936 // Ibid. E3801/3089/93.

²⁶ Minute by Ward (FO), 6 Nov. 1936 // Ibid. FO 371/20013, E6940/1419/93.

«То, что итальянцы не заинтересованы помогать в этом деле, было понятно уже из первых телеграмм из Афин. Тот факт, что итальянский консул подарил принцессе Аззе букет, без сомнения, говорит о желании Рима вбить клин в правящем доме страны, которая поддержала санкции», — отмечалось во внутриведомственной переписке Форин Оффис²⁷.

В целом же в Лондоне считали идею убийства «фантастичной» и «неприемлемой в цивилизованном мире»²⁸. Вместе с тем настрой иракского правительства не оставлял сомнений в том, что жизнь принцессы Аззы под угрозой: «Если она будет убита в Европе (сейчас она на Родосе), это намного больше навредит молодому государству Ирак, чем потеря его нынешнего короля»²⁹. В этой связи британские дипломаты признали, что итальянское консульство в Афинах оказало неоценимую услугу Ираку, а соответственно и Англии, ускорив отъезд принцессы и ее супруга из Греции до прибытия туда Тахсина Кадри³⁰. На Даунинг-стрит уже тогда не сомневались, что «иракцы, конечно, припомнят итальянцам их роль в этом деле»³¹.

Вопреки опасениям Кларк Керра ужин в посольстве с Ясином Хашими и Нури Саидом вечером 16 июня оказался в целом результативным. Иракский премьер-министр поддержал посла в том, что «без эффективного короля невозможно управление Ираком, нужен некий человек, который бы стоял над партиями и личностями, стал бы балансиром в политике и арбитром в вопросах развития страны, и поэтому необходимо восстановить авторитет короля Гази». Нури Саид приводил «неубедительные контр-аргументы, но в конечном итоге согласился с общим курсом политики», предложенной Кларк Керром: «обеспечить королевское окружение надежными людьми, установить жесткий контроль за действиями и передвижениями короля Гази, удерживать его какое-то время в тени и надеяться, что кропотливая работа приведет к восстановлению его репутации и печальная история его сестры забудется».

В то же время Ясин Хашими опасался, что «правительство войдет в конфликт с королем, если будет контролировать его окружение и частную жизнь», и «этим обязательно воспользуется оппозиция», а имнно группировка Джамиля аль-Мидфаи, которая «будет интриговать в надежде вернуться к власти». Нури Саид не разделял мнения коллеги и заявил Кларк Керру: «Сейчас все зависит от Вас и Вашего правительства. Если Вы поддержите нас, мы добьемся успеха». В ответ Ясин Хашими недвусмысленно намекнул, что Ирак и Великобританию связывает исключительно «дружеское сотрудничество», тогда как Нури Саид действительно зависим от британской поддержки, без которой «его влияние и власть могут исчезнуть в одночасье». Вместе с тем премьер открыто признал, что лично его политические позиции на данный момент напрямую зависят от расположения ко-

²⁷ Minute by Ward, 11 June 1936 // Ibid. FO 371/20017, E3345/3089/93.

²⁸ Minutes of FO, 16–20 June 1936 // Ibid. E3565/3089/93; FO to Clark Kerr, 20 June 1936 // Ibid. E3631/3089/93.

²⁹ Minute by Ward, 16 June 1936 // Ibid. E3565/3089/93.

³⁰ J.W. Nicholls (British Legation, Athens) to Bateman (Baghdad), 6 Aug. 1936 // Ibid. E5081/3089/93.

³¹ Minute by Scott-Fox, 11 June 1936 // Ibid. E3345/3089/93.

роля Гази и лояльности Нури Саида, и если последний «покидает его, это будет достаточно, чтобы он ушел с поста главы правительства». «В этой связи оба заверили друг друга в своей лояльности и сделали это подчеркнуто искренне, – писал Кларк Керр. – Мало приятного было наблюдать эти заверения, сделанные в моем присутствии. Я не забыл, как эти два человека пришли в политику, но сейчас от их сотрудничества, похоже, зависит стабильность Ирака».

Кларк Керр также с большим трудом убедил министров в необходимости сохранить жизнь принцессе Аззе и даже в случае, если ее брак будет аннулирован, ей следует затеряться в Европе, общественный же всплеск эмоций в Ираке со временем утихнет. Несмотря на готовность принять предложение посла, Ясин Хашими в порыве эмоций вновь заявил: «До тех пор пока Нури Саид, я и каждый ираец чувствует этот позор и продолжает дышать, мы будем желать смерти этой несчастной девушки». На повторную просьбу о британской дипломатической помощи в деле аннулирования брака принцессы посол предусмотрительно ушел от ответа. «Во-первых, такая просьба нам не нужна; во-вторых, я помню, что Ясин все еще имеет в виду убийство принцессы после ее возвращения в Ирак», – объяснил он в своих депешах³².

По настоятельной просьбе Ясина Хашими и Нури Саида следующим утром, 17 июня, Кларк Керр встретился один на один с королем Гази. Иракские министры просили посла «сообщить королю о том, что говорят о нем люди, поскольку еще никто не сказал ему, что его имя обсуждают все в этой стране». К удивлению британского дипломата король Гази достойно держал удар: «Он сказал, что не знал, что стиль его жизни стал публичным скандалом, ранее никто ему об этом не говорил. Я не поверил ему... В любом случае он понял, что его престиж зависит от него самого. Я рекомендовал ему отдать себя в руки своих министров и следовать их указаниям, потому что процветание короля – это и их процветание. Король Гази заверил меня, что впредь будет очень аккуратен в своих действиях и его частная жизнь не станет предметом критики, ...он будет следовать советам своих министров... Когда я уходил, король Гази поблагодарил меня за дружеский совет и сказал, что я ему как брат». На вопрос о судьбе принцессы Аззы король горячо заверил Кларка Керра в том, что «идея убийства в принципе претит ему» и он понимает, какое впечатление оно может произвести на весь остальной мир, однако его министры настаивают на соблюдении традиций³³.

В тот же день Кларк Керр встретился с Ясином Хашими, который поблагодарил посла за своевременное вмешательство: король Гази принял отставку тех, кто вышел из доверия иракского правительства, а лидеры политической оппозиции согласились поддержать правящий кабинет и, по мнению премьер-министра, по крайней мере в ближайшее время они будут спокойны. Посол сообщил в Лондон о том, что «первая и острая фаза <кризиса> очевидно уже миновала» и вопреки опасениям эта история не будет иметь продолжения³⁴.

³² A. Clark Kerr to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93; A. Clark Kerr to FO, 17 June 1936 // Ibid. E3630/3089/93.

³³ A. Clark Kerr to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

³⁴ Ibid.; A. Clark Kerr to FO, 17 June 1936 // Ibid. E3630/3089/93.

На Даунинг-стрит высоко оценили дипломатический профессионализм Кларк Керра, который «блестяще урезонил двух иракских министров» и «действовал безупречно в этой деликатной ситуации»³⁵. В британском МИДе пришли к выводу о том, что в Ираке «похоже, политических рисков нет; конституционный и политический кризис в ближайшее время не предвидится»³⁶. В этой связи Кларк Керр был предоставлен в отпуск; на период его отсутствия британское посольство в Багдаде возглавил Бэйтмен, поверенный в делах в Ираке.

Однако оптимистические прогнозы оказались преждевременными, поскольку политические интриги в Багдаде, поводом к которым послужил мезальянс принцессы Аззы, получили продолжение. 23 июня к Бэйтмену обратился Нури Саид и от имени Ясина Хашими просил его посоветовать королю Гази направить в Рим влиятельного иракского политика Рустума Хайдара. Как объяснил Нури Саид, Хайдар, будучи человеком образованным и имеющим хорошую репутацию, мог быть рекомендован британскому послу в Риме, и совместно они могли бы добиться от итальянского правительства помощи в аннулировании брака принцессы Аззы. Бэйтмен ушел от ответа, сославшись на необходимость заручиться одобрением Лондона, и направил в Форин Оффис депешу, в которой изложил свои возражения против предложения иракского министра. Во-первых, он опасался, что это может быть частью интриги, нацеленной на удаление Хайдара из дворца и замену его действующими министрами – Джафаром аль-Азхари или Рашидом Али Гайлани. «Оба эти назначения повредят нашей цели – восстановлению доброго имени короля Гази и его власти», – считал дипломат. Во-вторых, по мнению Бэйтмена, «частная миссия в Рим будет ничем иным, как беготней за дикими гусями, учитывая условия брака, который заключен в Греции, а не в Италии, значит потребуются санкции греческой ортодоксальной церкви и греческих гражданских властей». В-третьих, иракское правительство полагает, что Италия причастна к браку принцессы и итальянский дипломатический представитель в Афинах присутствовал на церемонии бракосочетания. «Но даже если подобные подозрения обоснованы, у иракцев мало шансов добиться чего-либо в Риме», – отмечал Бэйтмен³⁷.

В Форин Оффис всерьез озадачились вопросом о том, зачем иракские политики затеяли миссию в Рим и какие перестановки намечаются в правящем кабинете. «Возможно, это действительно способ устранения Хайдара, но мы знаем, что Рашид Али – темный гений нынешнего правительства, а Джафар-паша – не очень сильная личность, – размышлял аналитик ближневосточного департамента Скотт-Фокс. – Но в любом случае миссия обречена на провал и может ухудшить

³⁵ Minutes of FO, 3–16 July 1936; Bennet (FO) to Bateman (Baghdad), 16 July 1936 // Ibid. E4057/3089/93.

³⁶ Minute by Ward, 18 June 1936 // Ibid. E3630/3089/93.

³⁷ Bateman (Baghdad) to FO, 23 June 1936 // Ibid. E3801/3089/93. Как в дальнейшем выяснили британские дипломаты, никаких итальянских представителей на церемонии бракосочетания принцессы не присутствовало, никаких контактов между принцессой Аззой и итальянскими дипломатами не было за исключением того случая, когда пара получала визу в итальянском консульстве в Афинах (Nicholls (British Legacy, Athens) to Rendel (FO), 24 Sept. 1936 // Ibid. E6141/3089/93).

дело. Самое главное сейчас – выиграть время, чтобы горячие головы остыли; надо отвлекать иракцев юридическими деталями, просить составить развернутый отчет и <как предлагает Бэйтмен> свести все к процедурным вопросам»³⁸.

В следующей депеше 25 июня Бэйтмен сообщил, что «королевский двор очищен от нежелательных элементов». В частности, церемониймейстер Тахсин Кадри был назначен на пост советника иракской дипмиссии в Тегеране и заменен на лояльного правительству доктора Наджи аль-Асила. Военные советники короля в полном составе были отправлены в свои подразделения, а «их преемники тщательно отбирались по принципу неподкупности и моральным качествам»; была обновлена королевская прислуга³⁹. Однако казалось бы хорошие новости из Багдада были омрачены приложенным к депеше переводом Декрета о членстве в королевской фамилии, подписанным королем Гази по настоянию иракского правительства 13 июня 1936 г.

В соответствии с этим документом членами королевской семьи могли считаться только прямые потомки короля Фейсала, рожденные в законном браке, мусульмане по вероисповеданию, подданные Иракского Хашимитского королевства (ст. 1, 2). В целом декрет состоял из 14 статей, из которых лишь одна – статья 10 – предусматривала, что принц или принцесса, предпринявшие действия, дискредитирующие королевскую семью, лишаются всех королевских титулов, привилегий, собственности, прав на наследство и въезд в Ирак. Такое решение могло быть принято только Особым Советом, который учреждался данным декретом. Согласно статьям 5 и 6, Особый Совет должен был состоять из премьер-министра, спикеров сената и палаты депутатов, министров внутренних дел и юстиции и раиса королевского дивана, возглавляться королем или премьер-министром, созываться королем и «рассматривать меры дисциплинарного характера в вопросах, касающихся королевской семьи» в присутствии не менее трех членов Совета. Теперь представители королевской фамилии при вступлении в брак были обязаны получить письменное согласие короля, предварительно одобренное Особым Советом (ст. 4); в ином случае они и их потомки лишались всех королевских титулов и привилегий (ст. 9). Статья 8 предоставляла Совету важные prerogatives «пересматривать и перераспределять суммы, выделенные в генеральном бюджете на содержание королевской семьи» и приостанавливать текущие выплаты. Статья 12 возлагала на раиса королевского дивана обязанность «действовать в качестве частного секретаря Особого Совета». Вопросы, попадавшие под юрисдикцию Совета, не подлежали рассмотрению в гражданских судах, но решения Совета были также обязательны к исполнению, как решения суда, в том числе для короля, которому формально предоставлялось право потребовать пересмотра решения Совета в течение 15 дней, после чего оно приобретало силу закона (ст. 6, 7). Статья 14 обязывала иракское правительство подготовить к осенней сессии парламента текст соответствующих поправок к Конституции страны⁴⁰.

³⁸ Minute by Scott-Fox, 29 June 1936 // Ibid. E3801/3089/93.

³⁹ Bateman (Baghdad) to A. Eden, 25 June 1936 // Ibid. E4162/3089/93.

⁴⁰ Royal Family Ordinance No 75 of 1936 // Ibid. E4162/3089/93.

Бэйтмен сообщал, что иракское правительство мотивирует издание декрета необходимостью подвести юридическую базу под процедуру лишения принцессы Аззы прав, какие она могла наследовать как дочь короля Фейсала. Вместе с тем в Багдаде имелись определенные сомнения по поводу законности этих действий. В частности правительство опасалось, что, поскольку принцесса теперь является итальянской подданной, правительство Италии может возражать против лишения ее наследства⁴¹. На Даунинг-стрит сразу акцентировали внимание на политической подоплеке нового закона: «Особый Совет заходит очень далеко в вопросе контроля над королевской семьей, и это очень важно, поскольку в случае каких-либо осложнений в Ираке он может оказать давление на королевскую фамилию или при необходимости сменить короля»⁴².

В свете угрозы политической дестабилизации в Ираке британскую дипломатию также встревожили известия из соседней Трансиордании. 22 июня 1936 г. эмир Абдалла обратился к британскому резиденту в Трансиордании с просьбой о том, чтобы Лондон связался с итальянским правительством и помог передать принцессу Аззу и ее супруга в руки короля Гази. Как эмир объяснил К. Коксу, он действовал по настоятельной просьбе Гази, своего племянника, письмо от которого он показал дипломату. Британский резидент также сообщал о том, что «брак принцессы Аззы и ее переход в христианство привел к серьезному всплеску антихристианских чувств, в частности против греков и итальянцев»⁴³. Пересылая в Форин Оффис депешу Кокса и комментарии к ней Верховного комиссара в Трансиордании, министерство по делам колоний подчеркивало, что, хотя запрос о вмешательстве британского правительства не может быть выполнен, «с нынешним состоянием дел в Палестине очень важно не утратить дружеское расположение эмира Абдаллы, поэтому следует дать какой-то ответ»⁴⁴.

С одной стороны, положение в Палестине, где в апреле 1936 г. вспыхнуло Арабское восстание, не позволяло британским дипломатам проигнорировать запрос Абдаллы, на помощь которого Англия рассчитывала в деле урегулирования конфликта между палестинскими националистами, еврейскими переселенцами и английскими колониальными властями. С другой стороны, Лондон не хотел осложнять и без того непростые отношения с Римом, особенно в свете отмены санкций Лиги Наций против Италии, инициатором введения которых являлась Великобритания. По мнению Форин Оффис, любые попытки оказать содействие Ираку, интересы которого англичане не имели права представлять в Италии, могли «обидеть итальянцев», и были бы восприняты «итальянским правительством как вмешательство в дела двух итальянских подданных». Кроме того, на Даунинг-стрит считали, что у иракцев нет ни едино-

⁴¹ Bateman (Baghdad) to A. Eden, 25 June 1936 // Ibid.

⁴² Minute by Ward, 20 July 1936 // Ibid.

⁴³ C. Cox (British Resident for Trans-Jordan) to High Commissioner for Trans-Jordan, 22 June 1936; Wauchope (High Commissioner for Trans-Jordan) to CO, 27 June 1936 // Ibid. E4533/3089/93.

⁴⁴ CO (Wilson) to Bennett (FO), 16 July 1936 // Ibid.

го шанса на успех в деле с аннулированием брака принцессы Аззы, поскольку он заключен с соблюдением всех норм греческого законодательства⁴⁵ и британское правительство «не располагает инструментами давления» на Афины. Эмир Абдалла, по сути, предлагал англичанам «стать посредником в убийстве принцессы Аззы». Единственным выходом оставалось «просто ждать и делать все возможное, чтобы поддержать престиж короля Гази»⁴⁶. «Так будет выиграно время, а потом все забудется, и внимание будет отвлечено на более важные, чем королевская семья, дела», — отмечал в своей аналитической записке Скотт-Фокс⁴⁷.

Следуя рекомендациям Форин Оффис, министерство по делам колоний составило инструкции для Верховного комиссара в Трансиордании. Ему рекомендовалось заверить эмира Абдаллу в симпатиях британского правительства и информировать его о том, что Лондон «сделал уже все возможное, чтобы помочь иракскому правительству через британскую дипмиссию в Афинах» и Форин Оффис «не может связываться с итальянским правительством по иракским делам»⁴⁸.

2 июля Бэйтмен сообщил, что «волнения, вызванные бегством и замужеством принцессы Аззы, похоже, затихают, ...министры стали менее взволнованы, меньше разговоров о радикальных перестановках в составе кабинета». Однако британский дипломат считал преждевременным говорить о политической стабилизации: «Очень часто в Ираке опрометчивый поступок определяет будущее, и нынешняя ситуация безусловно полна непредвиденных факторов». Во-первых, как указывал Бэйтмен, хотя «смерть принцессы Аззы больше не считается единственно возможным решением, ...отзвук этого дела добавил проблем правительству, позиции которого уже пошатнулись в связи с восстанием шиитских племен в Диванийе»⁴⁹. ...в провинциях среди бедуинов имя Гази открыто упоминается с позорными эпитетами», а в святых городах — Неджефе и Кербелле — «появилось множество листовок, позорящих короля». Во-вторых, Ясин Хашими не получил поддержки политической оппозиции в деле восстановления престижа короля Гази, обещанной ему ранее. В-третьих, «король Гази проявил некоторое сопротивление планам правительства по ре-

⁴⁵ В дальнейшем британское посольство в Афинах, тщательно изучив копии свидетельств о браке и крещении принцессы Аззы, а также после консультаций с греческими юристами, известило Форин Оффис о том, что нет оснований аннулировать брак, поскольку все формальности были соблюдены (Nicholls (British Legation, Athens) to Bateman (Baghdad), 6 Aug. 1936 // Ibid. E5081/3089/93; Nicholls to FO, 24 Sept. 1936, Enclosure: Archbishop of Athens to the Ministry for Foreign Affairs, Athens, 1 Aug. 1936: Marriage Certificate and Baptismal // Ibid. E6141/3089/93).

⁴⁶ Minute by Ward, 20 July 1936; FO to Williams (CO), 28 July 1936 // Ibid. E4533/3089/93; Minute by Scott-Fox, 14 July 1936 // Ibid. E4483/3089/93; Minute by Ward (FO), 29 May 1936 // Ibid. E3098/3089/93; FO to A. Clark Kerr (Baghdad), 20 June 1936 // Ibid. E3631/3089/93.

⁴⁷ Minute by Scott-Fox, 27 July 1936 // Ibid. E4762/3089/93.

⁴⁸ FO to Williams (CO), 28 July 1936 // Ibid. E4533/3089/93; CO to FO, 6 Aug. 1936; CO to High Commissioner for Trans-Jordan, 6 Aug. 1936 // Ibid. E4996/3089/93.

⁴⁹ Весной 1936 г. вспыхнуло очередное восстание шиитских племен на Среднем Евфрате, которое продолжалось 3 месяца и было жестоко подавлено иракскими правительственными войсками.

формированию штата и содержания его двора»⁵⁰. Бэйтмен считал, что король очевидно «возвращается к прежней жизни, и многие <иракские политики> ждут возможности использовать эту деликатную ситуацию в своих нынешних отношениях с премьер-министром», в связи с чем плетут «интриги с целью укрепления своих позиций, и король Гази еще может играть важную роль в этих движениях». В свете текущих событий Нури Саид пребывает «в чрезвычайно мрачном настроении и пессимистично говорит о безнадежном политическом будущем» Ирака⁵¹.

Комментарии чиновников Форин Оффис к депеше Бэйтмена красноречиво свидетельствуют о том, что на Даунинг-стрит решили вплотную заняться вопросом об использовании радикальных средств по стабилизации обстановки в Ираке. Так, сотрудник ближневосточного департамента Беннет отметил: «Но ведь никто и не ожидал, что король Гази будет покладистым. Если он будет себя так вести, он может потерять трон»⁵². «Похоже, король возьмется за старое. По запросу Ванситтарта была подготовлена аналитическая записка об альтернативе королю Гази», – соглашался с коллегой Дж. Вард⁵³.

Меморандум «Возможные альтернативы королю Гази в Ираке» был подготовлен сотрудниками ближневосточного департамента Форин Оффис 20 июля 1936 г. в тесном сотрудничестве с британским послом в Ираке Кларк Керром, находившимся в то время в Лондоне. По мнению авторов этого документа, «наиболее очевидная альтернатива королю Гази, которую возможно возвести на престол в Ираке, может быть только другой член Хашимитской фамилии». Соответственно преемника следовало выбрать из числа прямых потомков короля Фейсала, основателя иракской королевской династии. Выбор оказался относительно невелик: у Фейсала, отца короля Гази, имелось два родных брата – Али (бывший король Хиджаза) и Абдалла (король Трансиордании), и один сводный брат – эмир Заид.

Король Али умер в 1935 г., но у него остался сын Абдул Иллах, «весьма обходительный молодой человек анемичного вида, ...не принимавший никакого участия в общественной жизни». Однако, по мнению Кларк Керра, хорошо знакомого с политической спецификой Ирака, Абдул Иллах являлся «весьма способным, серьезным и собранным по натуре юношей, не был вовлечен в персональные скандалы»⁵⁴ и к нему весьма благосклонно относились многие иракские политики».

Кандидатура короля Абдаллы, несмотря на его достаточно прочное положение в Трансиордании и «в совершенстве респектабельный характер», на Даунинг-стрит была отклонена сразу: «С политической точки зрения он не способен стать

⁵⁰ В частности, король Гази отказался сместить Сайида Шакира, хранителя частной королевской казны, и потребовал восстановить в должности своего шофера, который в связи со своим общеизвестным аморальным поведением возглавил составленный премьер-министром список лиц, подлежащих увольнению из окружения короля.

⁵¹ Bateman (Baghdad) to A. Eden, 2 July 1936 // PRO. FO 371/20017, E4361/3089/93.

⁵² Minute by Bennet, 20 July 1936 // Ibid.

⁵³ Minute by Ward, 20 July 1935 // Ibid.

⁵⁴ По замечаниям того же Кларк Керра, иракскому правительству порой приходилось прилагать усилия, чтобы «сохранить доброе имя принца с учетом того, что однажды он может стать сувереном в Ираке» (A. Clark Kerr to A. Eden, 19 June 1936 // Ibid. E4057/3089/93).

хорошим правителем и в любом случае будет плохим выбором на важную позицию короля в Ираке». Два сына Абдаллы также не внушали доверия: «Старший – Таллал – показал себя небрежным хозяином; младший – Наиф – сейчас офицер в трансйорданской полиции, с первого взгляда производит очень благоприятное впечатление, но он слишком молод (ему всего 21 год), чтобы определить, каков у него характер», «у него не было возможности проявить свои способности, поэтому весьма рискованно делать ставку на него».

Сводный брат короля Фейсала эмир Заид, с одной стороны, имел целый ряд преимуществ перед своими «конкурентами»: ему было уже 40 лет, он получил блестящее образование в Оксфорде, проявил себя в Арабской кампании против турок в годы Первой мировой войны и стал «единственным членом Хашимитской династии, который в то время получил награду от британских офицеров, входивших в состав арабских войск». Кроме того, в 1924 г., в период отсутствия короля Фейсала в Ираке, эмир Заид исполнял обязанности регента при малолетнем Гази, а в настоящем возглавлял иракскую дипмиссию в Германии и в целом высоко ценился в европейских дипломатических кругах. Вместе с тем иракские политики всегда относились к Заиду с некоторым подозрением, особенно после того, как он устроил тайный морганатический брак принцессы Сары. Однако, как сообщил Кларк Керр, «участие эмира в этих делах сейчас очевидно забыто».

Таким образом, из представителей Хашимитской династии авторы меморандума называли наиболее желательными кандидатами на иракский престол Абдул Иллаха и эмира Заида. По мнению Кларк Керра, «если вопрос о смене короля Гази будут решать иракские правящие круги самостоятельно, то они обязательно выберут Абдул Иллаха». Но для британского правительства более предпочтительным был бы эмир Заид. Однако в Форин Оффис признавали, что привести Заида к власти будет значительно труднее, чем Абдул Иллаха. Во-первых, «иракские политики понимали, что опытный и самодостаточный эмир Заид сможет лучше контролировать их казнокрадство, чем молодой и неопытный Абдул Иллах». Во-вторых, Заид не был чистокровным арабом (по слухам, его матерью была турчанка), не скрывал своего интереса к турецкой культуре, имел собственность в Турции, то есть, по сути, являлся для иракцев чужаком.

Специфика иракского менталитета, безусловно, не могла быть проигнорирована, и в этой связи меморандум был вынужден признать, что Хашимитов «в действительности в Ираке не любят»: будучи выходцами из Хиджаза, они тоже «ассоциируются с иностранцами, несмотря на их чистокровное арабское происхождение». Более того, несмотря на отсутствие в Ираке семей, которые могли бы основать местную королевскую династию, «иракская нелюбовь к иностранцам также направлена против других арабских королевских фамилий, таких как Саудиды в Эр-Рияде». В то же время в Форин Оффис отмечали, что Ибн Сауд пользовался огромным авторитетом в арабском мире, в том числе в Ираке. Поэтому из анализа не исключался даже такой «эвентуальный и невыгодный с политической точки зрения» вариант, как выбор Багдада в пользу представителя династии Саудидов, так как «ваххабитского принца могли поддерживать шииты Ирака», составлявшие большинство населения страны.

Поскольку круг поиска объективно ограничивался только двумя королевскими династиями, способными хотя бы теоретически претендовать на иракский престол – Хашимитов и Саудилов, а также в связи с тем, что ни один из реальных кандидатов не отвечал интересам британского правительства, на Даунинг-стрит рассмотрели перспективы введения в Ираке республиканского режима. «Идея республики серьезно лидировала в период создания государства Ирак благодаря политической группе, которую поддерживал Дж. Филби, тогда советник министра внутренних дел. Низкие стандарты жизни общества и отсутствие реальной лидирующей фамилии были сильными аргументами в пользу монархического правления, однако с королем нынешнего калибра все преимущества монархии потеряны, – отмечали авторы меморандума и рекомендовали не сбрасывать со счетов республиканский сценарий. – Независимое сирийское государство, которое тоже недавно существует как республика, может стать примером и способствовать росту республиканской пропаганды в Ираке».

В заключение меморандум предлагал еще один «чрезвычайно рискованный эксперимент» – сделать ставку на годовалого сына Гази: «Наличие этого инфанта – очень важный фактор, который следует обязательно учитывать в случае, если встанет необходимость найти альтернативу королю Гази из числа упомянутых выше, ...хотя это будет означать очень долгий период регентства, ...в Ираке весьма сложно собрать респектабельный регентский Совет»⁵⁵.

В ходе обсуждения эксперты Форин Оффис согласились с тем, что нет смысла искать альтернативу Хашимитам, поскольку «иностранцы» ни при каких условиях неприемлемы для иракцев. В свою очередь из династии Хашимитов лучшим кандидатом был признан эмир Заид, но у него не было шансов взойти на престол даже при активной поддержке англичан. Проблема осложнялась и тем, что иракская конституция не предусматривала отречения короля, а внесение поправок являлось весьма сложной и громоздкой процедурой. «Никто в Ираке уже не ратует за республиканский эксперимент, хотя можно предполагать, что если переговоры в Париже завершатся созданием независимой сирийской республики⁵⁶, идея иракской республики может в принципе стать впечатляющей для местной городской интеллигенции, – развенчивал сотрудник ближневосточного департамента Скотт-Фокс остальные предложения меморандума. – Однако трудно представить, что племена Среднего Евфрата примут такой эксперимент или что иракская республика сможет выжить в условиях фракционности местных политиков. Подобные возражения также вызывает идея ввести регентство при годовалом сыне короля Гази»⁵⁷. На Даунинг-стрит пришли к выводу о том, что выбор как таковой отсутствует, и смена короля Гази легитимными средствами весьма проблематична⁵⁸.

⁵⁵ Possible Alternative to the Present King of Iraq: Memorandum by T.G. Ward (Eastern Department, FO), 20 July 1936 // Ibid. E3984/3089/93.

⁵⁶ Летом 1936 г. в Париже проходили переговоры о заключении франко-сирийского союзного договора и отмене французского мандата в Сирии.

⁵⁷ Minute by Scott-Fox, 23 July) 1936 // PRO. FO 371/20017, E3984/3089/93.

⁵⁸ Minutes of FO, 20 July 1936 // Ibid.

Таким образом, меморандум представляет собой весьма интересный исторический документ, свидетельствующий о том, что за три года до трагической гибели короля Гази при невыясненных обстоятельствах Форин Оффис стал разрабатывать планы его смещения с учетом того факта, что в рамках закона подобная рокировка практически невозможна. Данный документ, безусловно, не является доказательством причастности англичан к гибели Гази в автокатастрофе в апреле 1939 г., но косвенно он все же говорит о том, что подобные слухи, активно поддерживавшиеся антибританскими политическими группировками в Ираке и пропагандой держав «оси», имели под собой определенные основания.

По сообщениям Бэйтмена, к концу июля 1936 г. «брак принцессы Аззы перестал быть предметом общественных сплетен и горячих политических интриг», но британский дипломат считал, что это лишь затишье перед бурей. Во-первых, на тот момент в Багдаде отсутствовали многие влиятельные иракские политики, прежде всего Нури Саид, находившийся с визитом в Египте. По его возвращении в Ирак Бэйтмен ожидал новой волны интриг, нацеленных на преобразование правящего кабинета, и в этой связи отмечал: «Неуемная активность и превратное мышление Нури Саида – источник постоянных осложнений в этой стране». Во-вторых, внимание иракской общественности было отвлечено на события на Среднем Евфрате. После жестокого подавления выступлений шиитов король Гази по совету Ясина Хашими ликвидировал военный трибунал в Диванийе и отменил 5 смертных приговоров, вынесенных этим судом, со ссылкой на тяжелые условия жизни и труда местного населения. Однако, по мнению Бэйтмена, «премьер-министр нуждался в более конструктивных мерах, чтобы смыть обиду племен и восполнить ущерб, нанесенный в результате убийств, разрушений деревень и уничтожения урожая в ходе недавних военных операций». Дипломат также считал малоэффективными усердные попытки Ясина Хашими восстановить престиж короля Гази: публичные появления монарха в дворцовой мечети по пятницам, участие в кампаниях помощи больным и инвалидам, его показная заинтересованность в общественных делах выглядели неубедительно в свете кровавых событий в Диванийе⁵⁹.

В Форин Оффис не разделяли пессимизма британского посольства в Багдаде и предпочитали не искать связи между общественными волнениями, вызванными мезальянсом принцессы Аззы, падением престижа короля Гази и погромами на Среднем Евфрате⁶⁰. Однако информацию Бэйтмена во многом подтвердил доктор Х. Синдерсон, личный врач короля Гази, который прибыл в Лондон в конце сентября и конфиденциально встретился с главой ближневосточного департамента Дж. Ренделом. «Картина, в которой он обрисовал молодого короля, выглядит удручающе. Он праздный ленивец и в целом склонен к дурной компании, хотя Синдерсон еще надеется, что характер Гази улучшится, – отмечал Рендел в своем меморандуме от 10 октября 1936 г. – Синдерсон очень хорошо

⁵⁹ Bateman (Baghdad) to A. Eden, 30 July 1936 // Ibid. E5173/3089/93

⁶⁰ Minute by Ward, 28 Aug, 1936 // Ibid.

отзывался о Р. Хайдаре, он также хорошего мнения о двоюродном брате короля Абдул Иллахе, который недавно упоминался как возможная альтернатива королю Гази»⁶¹. Как следует из внутриведомственной переписки Форин Оффис, на Даунинг-стрит решили, что «моральные качества короля Гази не совместимы с королевской особой» и необходимо внимательнее присмотреться к принцу Абдул Иллаху⁶².

Спустя две недели после этого решения в Ираке произошел первый военно-гражданский переворот, подтвердивший наихудшие опасения Лондона. Неспособность правительства Ясина Хашими претворить в жизнь свою программу социально-экономических преобразований привела к усилению социальной напряженности, росту антибританских настроений и консолидации оппозиционных сил. 29 октября 1936 г. король Гази принял ультиматум генерала Бакра Сидки, лидера военной группировки, и поручил сформировать новый кабинет Хикмету Сулейману, который являлся, по сути, связующим звеном между радикальными реформаторами и армией. Представители иракской политической элиты, ориентированные на сотрудничество с Англией (Ясин Хашими, Нури Саид, Рашид Али Гайлани и др.), покинули страну, скрываясь от репрессий.

Таким образом, отсутствие сильного политического лидера являлось одним из ключевых препятствий к политической стабильности и национальному единству Ирака, способствовало закреплению в политической традиции страны практики решения проблем в рамках интриг, насилия и конфронтации с оппонентом, создавало благоприятные условия для тех политических групп и лидеров, которые стремились с помощью армии получить и удержать власть. Политическая специфика Ирака и ближневосточного региона создавала огромные проблемы для Англии и являлась серьезным препятствием для других западных держав-конкурентов, которые не имели столь же богатый, как у Англии, опыт взаимоотношений с арабомусульманским миром в целом, и с Ираком в частности. Задача сохранения британских доминирующих позиций в регионе осложнялась и тем, что роль Ирака в общеарабских и региональных делах возрастала на фоне усиления турбулентности на Арабском Востоке, вызванной обострением палестинской проблемы, общим подъемом антибританских настроений и национально-освободительных движений. Кроме того, в 1930-е гг. политические реалии Ближнего Востока дополнились влиянием новых внешних факторов в лице США, Германии, Италии и СССР, которые бросали вызов британскому доминированию, используя местные политические силы. Соответственно от британской дипломатии требовались более изощренные методы воздействия на Багдад с целью сохранения политической стабильности в Ираке. Как свидетельствуют архивы британского МИДа, политический кризис в Ираке летом 1936 г. способствовал более глубокому осознанию англичанами значимости роли политического лидера и исламского фактора в вопросах сохранения политической стабильности в этой исключительно важной со стратегической и геополитической точек зрения части мира – на Ближнем Востоке.

⁶¹ Position of King Ghazi in Iraq: Memorandum by Rendel, 10 Oct. 1936 // Ibid. E6430/3089/93.

⁶² Minutes of FO, 15–16 Oct. 1935 // Ibid.